

Г.И. Халлиева

«ЛЕЙЛИ И МЕДЖНУН» АЛИШЕРА НАВОИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Е.Э. БЕРТЕЛЬСА

На основании анализа работ ведущего советского востоковеда первой половины XX в. Е.Э. Бартельса, посвященных поэмам с единым названием «Лейли и Меджнун», рассматриваются подходы к выявлению национального своеобразия и авторской самобытности персоязычных поэтов Низами Гянджеви (1141–1211), Амира Хосрова Дехлави (1253–1325) и тюркоязычного поэта Алишера Навои (1441–1501). Обращается особое внимание на усилия Е.Э. Бартельса в деле восстановления репутации классика узбекской словесности Алишера Навои как оригинального автора, а не только переводчика, что утверждала европейская традиция ориенталистики. В положения Е.Э. Бартельса об углублении в поэме Навои реалистичности и психологической глубины вносятся коррективы, связанные со спецификой мусульманской культуры.

Ключевые слова: востоковедение, тюркология, узбекская классическая литература, компаративистика, эпизоды, Низами, Дехлави, Навои, «Лейли и Меджнун».

Я не Хосрав, не мудрый Низами,
Не шейх поэтов нынешних Джами.
Но тюрки всех племен, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены.

Алишер Навои

Е.Э. Бартельс (1881–1957) является одним из наиболее значимых исследователей тюркской классической литературы, обратившихся к изучению восточного рукописного наследия. Сравнительный подход к вопросам взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур, учет эстетической основы восточной поэзии позволили ученому квалифицированно определить уровень оригинальности и установить своеобразие тюркской словесности.

Сравнив творчество Алишера Навои (1441–1501) и Фарид ад ди-на Атгара (1145–1221), Е.Э. Бартельс опроверг мнение западноевро-

пейских и многих российских ориенталистов о том, что Навои является лишь переводчиком и подражателем персидской литературе. «Рассмотрение поэмы “Лисан ат-тайр” показывает нам, – утверждал Е.Э. Бертельс, – большого художника, мастера слова, способного из данного материала создать оригинальное произведение, но помимо этого художественного дарования мы видим еще человека с широким образованием, огромным житейским опытом и, что для нас еще ценнее, большим сердцем, полным любви к окружающим его людям и во имя этой любви способным забыть и простить все их недостатки» [1. С. 83]¹.

«Лейли и Меджнун» – другое не менее значимое произведение, попавшее в поле зрения Е.Э. Бертельса-компаративиста. Сравнивая поэмы с единым названием «Лейли и Меджнун» двух персоязычных поэтов Низами Гянджеви (1141–1211) и Амира Хосрова Дехлави (1253–1325), а также тюркоязычного поэта Алишера Навои, Е.Э. Бертельс называет последнего «блестящим знатоком всей старой традиции» [4. С. 430], в то же время в ряде случаев порывающим с традициями и вступающим на новый путь. Ученый отмечает, что европейские ориенталисты, не полностью понимая хода литературного процесса на Востоке, установили, что все поэмы Навои представляют собой «назире»², и на этом основании сочли великого поэта лишь переводчиком персидских произведений.

Анализируемая нами статья Е.Э. Бертельса «Лейли и Меджнун» была впервые опубликована в 1940 г. в научном сборнике, подготовленном к 500-летию юбилею Алишера Навои [5], а затем включена в сборник избранных произведений ученого [4]. В 1943 г. поэма «Лейли и Меджнун» была переведена С. Липкиным на русский язык и издана с предисловием Е.Э. Бертельса [6].

В начале статьи дана информация об истории создания поэмы, ее генезисе, диапазоне распространения, сюжете и о поэтах, ранее писавших на схожие темы. Затем в сравнительном аспекте освещаются поэмы «Лейли и Меджнун» авторства Низами, Дехлави и Навои.

¹ Впоследствии востоковед А.Н. Малехова продолжила исследования Е.Э. Бертельса относительно «Лисан ат-тайр» и широко проанализировала своеобразие поэтики произведения [2, 3].

² В восточной поэзии «ответ» на поэму другого поэта.

Е.Э. Бертельс сообщает, что Низами приступил к написанию поэмы без особого желания, так как считал тему «Лейли и Меджнун» скучной и неинтересной, не допускающей высокопарных выражений. Поэма посвящена персидскому царю Ахсатану ибн Манучехру (1160–1197) и состоит из суфийских этюдов. Язык произведения образный и сложный.

Из краткого сюжета поэмы Низами были выделены следующие основные эпизоды: мольба отца; рождение Кайса; встреча в школе – начало любовных отношений между Кайсом и Лейли; поход Меджнуна в Мекку и его побег на обратном пути; победа Навфала над племенем Лейли и его отступление по просьбе Кайса; обручение Лейли; смерть Ибн Салама; скитание Меджнуна в горах подобно юродивому, любовная кульминация; трагедия Лейли и Меджнуна.

Поэма Низами вскоре становится знаменитой и начинаются попытки написания на нее назирь. Придворный поэт Дехлави приступает к созданию своей поэмы спустя век после Низами. В поэме Дехлави можно выделить следующие основные эпизоды: пророчество звездочета о любовных переживаниях Кайса; встреча в школе – начало любовных испытаний; распознавание матерью тайны Лейли, раскрытие этого секрета ее отцу, домашний арест; сватовство и эпизод отказа; победа Навфала и его отступление; женитьба Меджнуна на дочери Навфала, его побег в день своей свадьбы; написание письма и встреча в безлюдной пустыне по инициативе Лейли; трагедия Лейли и Меджнуна.

Через сравнение сюжетных линий можно определить своеобразие поэмы Дехлави.

Во-первых, в нее не внесен эпизод с описанием хаджа (религиозное паломничество мусульман в Мекку) Меджнуна.

Во-вторых, хадж заменен предсказанием астролога, что «лишает Меджнуна активного начала и делает его безвольной игрушкой в руках безликого рока» [4. С. 423]. Меджнун Дехлави – образец безразличия, поэтому он женится на дочери Навфала и глупо убегает со своей свадьбы.

В-третьих, Е.Э. Бертельс считает неудачным эпизод встречи в пустыне по инициативе Лейли, поскольку это описание наносит ущерб общей концепции произведения. Из-за него психологическое и философское содержание последующих событий теряет свою значимость. По мнению ученого, Дехлави не осознал глубину философ-

ской мысли Низами; сцепление событий носит случайный характер, и трагическая развязка не оправдана [4. С. 423].

В-четвертых, язык поэмы, простой и сжатый, соответствует нормам дворцовой поэзии, но не способен оставлять такое же яркое впечатление, как язык Низами. Несмотря на это поэма Дехлави получила большую известность, нежели поэма его предшественника.

Как известно, Алишер Навои знал произведения Дехлави и Низами, когда приступил к написанию своей «Лейли и Меджнун». Об этом можно догадаться из предисловия произведения. Анализируя некоторые поэтические фрагменты, где отображено отношение самого Навои к Низами и Дехлави, Е.Э. Бертельс приходит к следующему выводу: «...Навои, признавая высокие художественные достоинства поэмы Амира Хосрова, все же ставит ее неизмеримо ниже произведения Низами. При всей своей внешней сдержанности он довольно сурово и совершенно верно отмечает блестящую внешность поэмы Амира Хосрова, за которой, однако, не скрывается глубины и величия произведений Низами» [Там же. С. 425]. Навои с восточной скромностью сообщает о том, что его цель – сотворение маленького «городка» и «сада» около ранее построенного Низами «замка». Нижеприведенные факты помогут нам понять степень действительной самобытности автора.

Структуру поэмы Е.Э. Бертельс анализирует глубже, чем предыдущие произведения. По нашему мнению, этим ученый хотел еще раз доказать оригинальность творчества Навои. Другими словами, «он хотел показать, что поэт взял у своих предшественников, а в чем он счел нужным идти своим собственным путем» [Там же. С. 427]. В описании Е.Э. Бертельса выделены следующие эпизоды поэмы Навои: мольба отца; рождение Кайса; организация пиршества в школе отцом Лейли в честь выздоровления дочери; встреча Кайса с Лейли на этом пиршестве и его необычное при этом состояние (здесь Бертельс подчеркивает, что Навои смог изобразить этот процесс в следующих реалистических деталях: увидев Лейли, Кайс впадает в непонятное состояние и прячется от всех в самый разгар пиршества. Лейли случайно находит его, спрашивает у него причину его грусти, но ни на один миг не сомневается в своей причастности к этому); неудачный эпизод сватовства; наступление Навфала на племя Лейли, его победа и отступление (в поэме Навои Меджнун во сне узнает, что отцу Лейли грозит смерть, если он не выполнит задание,

и просит Навфала отступить); обручение Лейли; смерть жениха; поездка Меджнуна в Мекку и его побег на обратном пути; скитание по горам и степям; мотив дружбы с псом возлюбленной (в этом эпизоде Бертельс напоминает, что «приятельство с псом» может показаться немного странным европейскому читателю, но это было нормальным явлением для среднеазиатской лирики XV в.); возвращение Меджнуна и его венчание с дочерью Навфала (этот эпизод есть и в произведении Дехлави, но в нем Меджнун венчается перед свадьбой Лейли, а у Навои – после ее свадьбы. В поэме Навои у дочери Навфала есть свой возлюбленный. Узнавший об этом Меджнун не соглашается на свадьбу и дарит двум молодым счастье соединения. У Дехлави же этот эпизод кончается побегом Меджнуна в день своей свадьбы); побег Лейли из дома и случайная встреча с Меджнуном (здесь Бертельс обращает наше внимание на слово «случайное». Если у Дехлави встречу организует сама Лейли, то у Навои это происходит без нарушения восточного этикета и не указывает на недостатки воспитания Лейли).

Встречу Лейли и Меджнуна Е.Э. Бертельс оценивает как отдаление от концепции Низами у обоих писателей и подчеркивает, что этот эпизод «разбивает план развития действия и отнимает у любви Меджнуна тот “дематериализованный” характер, который ей придан Низами» [4. С. 429]. У Низами была цель показать божественную силу любви, поэтому его Меджнуну не нужна Лейли в физическом облике, духовно в своем безумии он уже соединился с ней (суфийская концепция любви). Навои же, по мнению Е.Э. Бертельса, от этой концепции отказывается вполне сознательно: ему нужна не неземная любовь, а обычное человеческое чувство, его цель – приблизить поэму к реальной действительности.

В интерпретации ученого история любовных приключений Лейли и Меджнуна – это иллюстрация того, к каким семейным трагедиям может привести абсолютная власть родителей над детьми [Там же. С. 430]. С подобным заключением ученого трудно согласиться. По нашему мнению, интерпретировать поэму следует, исходя из национально-религиозной специфики мусульманской культуры. При анализе идейно-художественного содержания текста становится очевидным, что причина бед героев – не абсолютное господство родителей, а долг мусульманина перед религиозным шариатом и семьей. Конечно, в силу «сталинских условий» Е.Э. Бертельс был вынужден счи-

таться с идеологическим давлением среды, иногда допуская при анализе поверхностные трактовки. Знание горькой участи других репрессированных востоковедов – А.Н. Самойлович, С.Л. Волина [7] – вынуждало Е.Э. Бертельса быть осторожным в интерпретациях.

В ходе сравнительного анализа трех вариантов поэмы «Лейли и Меджнун» Е.Э. Бертельс приходит к следующим выводам.

1. Навои, скромно претендующий лишь на создание маленького «городка» и «сада», на деле сотворил «замок» не хуже, чем у самого Низами.

2. При создании своей поэмы Низами опирается на суфийскую концепцию, а Навои считает, что только реалистичными эпизодами можно убедить читателя и поднять самые актуальные проблемы эпохи. По нашему мнению, Навои с самого начала уделяет пристальное внимание духовности человека и проблеме стремления человечества к совершенству. Европейские востоковеды произведения Навои считали переводом и не видели необходимости в их глубоком изучении. Именно поэтому исследования в западном навоиведении всегда ограничивались лишь общими описаниями его рукописей.

В конце статьи Е.Э. Бертельс отмечает, что поэма «Лейли и Меджнун» имеет особую ценность. «Безграничная любовь к человеку, которой горело великое сердце Навои, которая направляла всю его и литературную, и общественную деятельность, в этой поэме сказалась особенно ярко» [4. С. 431].

Подводя итог, можно с уверенностью констатировать, что компаративистские исследования Е.Э. Бертельса дают возможность читателю одновременно получить сведения о нескольких произведениях восточной словесности, ознакомиться со спецификой и методикой работы с тюркскими письменными памятниками. На основе своих изысканий ученый разработал методологические основы изучения рукописей, подготовки научно-критического текста, показал важность исследований тюркской литературы [8].

Литература

1. Бертельс Е.Э. Навои и Аттар // Мир-Али-Шир : сб. к пятисотлетию со дня рождения. Л. : Изд-во АН СССР, 1928. С. 24–83.

2. Малехова А.Н. Поэма Алишера Навои «Лисан-ат-тайр» («Язык птиц»): поэтика композиционных и образных средств : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1978. 26 с.

3. Малехова А.Н. Поэма Алишера Навои «Язык птиц» // Алишер Навои. Язык птиц. СПб. : Наука, 2007. С. 267–329.

4. Бертельс Е.Э. Избранные труды. М. : Наука, 1965. Т. 4: Навои и Джами. 499 с.

5. Бертельс Е.Э. Лейли и Меджнун // Родоначальник узбекской литературы : сб. статей об Алишере Навои. Ташкент : Изд-во Узбекского филиала АН СССР, 1940. С. 30–50.

6. Навои А. Лейли и Меджнун : поэма / пер. С. Липкина; вступ. ст. Е.Э. Бертельса. Ташкент : Госиздат, 1943. 232 с.

7. Люди и судьбы : биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991). СПб. : Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.

8. Бертельс Е.Э. К вопросу о филологической основе изучения восточных памятников // Советское востоковедение. 1965. № 3. С. 11–18.

LAYLA AND MAJNUN BY ALISHER NAVOI IN E.E. BERTELS'S INTERPRETATION

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2018, 10, pp. 74–81. DOI: 10.17223/24099554/10/3

Gulnoz I. Khallieva, Uzbek State University of World Languages (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: gulnoz7410@mail.ru

Keywords: oriental studies, turkology, Uzbek classical literature, comparative studies, episodes, Nizami, Dehlavi, Navoi, *Layla and Majnun*.

The paper focuses on the approaches to the identification of the national and writer's identity of Persian poets Nizami Ganjavi (1141–1211), Amīr Khusrow Dehlavi (1253–1325) and the Turkic poet Alisher Navoi (1441–1501) basing on the works on poems named *Layla and Majnun* by E.E. Bertels, the leading Soviet orientalist of the first half of the 20th century. Particular attention is paid to E.E. Bertels's efforts to restore the reputation of the Uzbek classic Alisher Navoi as of the original author, opposing to the European tradition of Orientalism, according to which Navoi was just a translator. The author introduces some adjustments related to the specificity of Muslim culture into E.E. Bertels's ideas about the deepening of realism and psychological depth in Navoi's poem.

References

1. Bertels, E.E. (1928) Navoi i Attar [Navoi and Attar]. In: Bartold, V.V. (ed.) *Mir-Ali-Shir: Sbornik k pyatisotletiyu so dnya rozhdeniya* [Mir-Ali-Shir: Collection for the 500th Anniversary of His Birth]. Leningrad: USSR AS. pp. 24–83.

2. Malekhova, A.N. (1978) *Poema Alishera Navoi "Lisan-at-tayr" ("Yazyk ptits")*: poetika kompozitsionnykh i obraznykh sredstv [Alisher Navoi's poem "Lisan-at-Tayr" ("The Language of Birds"): Poetics of compositional and figurative means]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tashkent.

3. Malekhova, A.N. (2007) *Poema Alishera Navoi "Yazyk ptits"* [Navoi's poem "The Language of Birds"]. In: Navoi, A. *Yazyk ptits* [The Language of Birds]. St. Petersburg: Nauka. pp. 267–329.

4. Bertels, E.E. (1965) *Izbrannye trudy. Navai i Dzhami* [Selected Works. Navoi and Jami]. Moscow: Nauka.
5. Bertels, E.E. (1940) Leyli i Medzhnun [Layla and Majnun]. In: *Rodonachal'nik uzbekskoy literatury: Sbornik statey ob Alishere Navoi* [Ancestor of Uzbek literature: Collection of articles about Alisher Navoi]. Tashkent: Uzbek Branch of USSR AS. pp. 30–50.
6. Navoiy, A. (1943) *Leyli i Medzhnun. Poema* [Layla and Majnun. Poem]. Translated by S. Lipkin. Tashkent: Gosizdat.
7. Vasilkov, Ya.V. & Sorokina, M.Yu. (2003) *Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskiy slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskiy period (1917–1991)* [People and Destinies. The Bibliographical Dictionary of Orientalists — Victims of Political Terror in the Soviet Period (1917–1991)]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie.
8. Bertels, E.E. (1965) K voprosu o filologicheskoy osnove izucheniya vostochnykh pamyatnikov [On the philological basis of the study of Oriental literature monuments]. *Sovetskoe vostokovedenie*. 3. pp. 11–18.